

УДК 347.919.3(476)

ОТМЕНА ОПРЕДЕЛЕНИЯ О СУДЕБНОМ ПРИКАЗЕ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ЛИЦА, ПРАВА (ИНТЕРЕСЫ) КОТОРОГО ЗАТРАГИВАЮТСЯ ДАНЫМ СУДЕБНЫМ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется вопрос о том, насколько целесообразно предоставлять иным, помимо должника, лицам, чьи права и (или) законные интересы затрагиваются определением о судебном приказе, возможность требовать отмены данного определения в вынесшем его суде. Показано, что такая возможность не обеспечивает необходимую защиту прав и (или) законных интересов иного лица, способна спровоцировать злоупотребления со стороны последнего, существенно образом нарушает интересы взыскателя и должника, имеет другие недостатки. В связи с этим сделан вывод, что иные лица не должны иметь указанной возможности, свои права и (или) законные интересы они могут отстаивать путем использования инструментов исковой формы защиты права, а в исключительных случаях – посредством инициирования отмены определения о судебном приказе в порядке надзорного производства.

Ключевые слова: приказное производство; определение о судебном приказе; отмена определения о судебном приказе; взыскатель; должник; иное лицо; затрагивание прав и (или) законных интересов.

CANCELLATION OF A RULING ON A COURT ORDER AT THE REQUEST OF A PERSON WHOSE RIGHTS (INTERESTS) ARE AFFECTED BY THIS COURT DECISION

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The question of whether it is expedient to provide persons other than the debtor, whose rights and (or) legitimate interests are affected by the ruling on a court order, the opportunity to demand the cancellation of this ruling in the court that issued it, is being investigated. It is shown that such an opportunity does not provide the necessary protection of the rights and (or) legitimate interests of another person, is capable of provoking abuse on the part of the latter, significantly violates the interests of the claimant and the debtor, and has other disadvantages. On this basis, it was concluded that other persons should not have this opportunity, they can defend their rights and (or) legitimate interests by using the tools of the claim form of protection of rights, and in exceptional cases – by initiating the cancellation of a ruling on a court order in the course of supervisory proceedings.

Keywords: writ proceedings; ruling on a court order; cancellation of a ruling on a court order; recoverer; debtor; other person; infringement of rights and (or) legitimate interests.

Образец цитирования:

Скобелев В.П. Отмена определения о судебном приказе по заявлению лица, права (интересы) которого затрагиваются данным судебным постановлением. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023; 2:62–76.
EDN: CZQTIU

For citation:

Skobelev VP. Cancellation of a ruling on a court order at the request of a person whose rights (interests) are affected by this court decision. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;2:62–76. Russian.
EDN: CZQTIU

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям (заочная форма обучения), доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; deputy dean for academic affairs and educational innovations (distance learning), faculty of law, and associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
s_v_p@tut.by

Введение

Приказное производство относится к числу тех видов судопроизводства, особенности которых активно исследуются на современном этапе развития науки процессуального права [1; 2; 3, с. 61–88; 4; 5, с. 36–42, 89–115; 6, с. 41–70; 7–10]. Состав данных особенностей не так давно пополнился еще одним специфическим нюансом. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2019 г. № 233-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон № 233-З), которым были внесены корректировки в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК), наделил правом требовать отмены определения о судебном приказе в вынесшем его суде иное (помимо должника) лицо, права и (или) законные интересы которого затрагиваются определением о судебном приказе (см. ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 2 ст. 226 ХПК).

Закон № 233-З был принят в порядке реализации решения Конституционного Суда Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) от 10 апреля 2018 г. № Р-1122/2018 «О праве на судебную защиту заинтересованных лиц в приказном производстве» (далее – решение № Р-1122/2018). Инициатором рассмотрения Конституционным Судом дела, по итогам которого было вынесено решение № Р-1122/2018, явилась Белорусская республиканская коллегия адвокатов. В своем обращении в Конституционный Суд коллегия адвокатов сослалась на наличие в гражданском процессуальном и хозяйственном процессуальном законодательстве Республики Беларусь, регулирующем приказное производство, пробела правового регулирования в части обеспечения права на судебную защиту других, кроме взыскателя и должника, заинтересованных лиц, права и законные интересы которых могут затрагиваться определением о судебном приказе.

В ходе разбирательства дела Конституционным Судом Белорусская республиканская коллегия адвокатов подтвердила свою позицию, отметив, в частности, что «определение о судебном приказе может прямо или косвенно затрагивать права и интересы не только взыскателя и должника, но и иных лиц, не являющихся стороной в приказном производстве. Например, заинтересованное лицо может, наряду со взыскателем или должником, претендовать на

находящееся у должника имущество, о передаче которого взыскателю заявлено требование в приказном производстве. Взыскание с должника денежных средств может затрагивать интересы иных кредиторов должника или его учредителей (участников). Процессуальные законы не содержат механизмов противодействия заинтересованных лиц даже очевидно недобросовестному стовору между взыскателем и должником, когда, например, должник умышленно признает в приказном производстве явно завышенные или необоснованные требования одного из взыскателей с целью обеспечить уплату этому взыскателю значительной суммы денежных средств или передачу большей части или всего своего имущества, затруднив тем самым или сделав невозможным удовлетворение требований иных взыскателей» (ч. 9 п. 2 решения № Р-1122/2018).

По мнению коллегии адвокатов, «случаи вынесения судами общей юрисдикции определений о судебном приказе, которыми затрагиваются права и законные интересы других лиц, в правоприменительной практике являются неединичными, при этом... такие лица лишаются права на судебное разрешение правовой проблемы с соблюдением определенных в Конституции гарантий судопроизводства» (ч. 10 п. 2 решения № Р-1122/2018). Конституционный Суд, согласившись с позицией Белорусской республиканской коллегии адвокатов, констатировал в решении № Р-1122/2018 наличие пробела в правовом регулировании, признал необходимым его устранить и в связи с этим в п. 2 резолютивной части решения № Р-1122/2018 предложил Совету Министров Республики Беларусь подготовить соответствующий проект закона о внесении изменений в гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательство, регулирующее приказное производство, и внести его в установленном порядке в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Однако, на наш взгляд, есть целый ряд очень существенных доводов против того, чтобы допускать возможность отмены определения о судебном приказе по заявлению иного (помимо должника) лица, права и (или) законные интересы которого затрагиваются определением о судебном приказе.

Основная часть¹

1. Очевидно, что в рамках судебной проверочной деятельности (в том числе и предусмотренной ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 2 ст. 226 ХПК) отмене подлежит только неправильное постановление суда, т. е. судебное постановление, являющееся незаконным

и (или) необоснованным. Но может ли факт затрагивания определением о судебном приказе прав и (или) законных интересов иного лица свидетельствовать о незаконности и (или) необоснованности данного судебного постановления? Думается, что на

¹В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором последовательности освещения их в статье.

поставленный вопрос нужно ответить отрицательным образом. Дело в том, что судебная проверочная деятельность предполагает проверку законности и обоснованности постановления суда не абстрактно, не вообще, а лишь в контексте соблюдения той процедуры, в рамках которой судебное постановление было вынесено (термин «процедура» мы понимаем здесь максимально широко как совокупность установленных определенной процессуальной формой, в частности видом судопроизводства, правил рассмотрения и разрешения гражданских дел, в том числе правил о должном выяснении фактических обстоятельств, о надлежащем выборе и точном применении норм материального права и т. п.). Иными словами, судебное постановление проверяется на предмет не абсолютной его правильности, а на предмет законности и обоснованности с точки зрения определенной судебной процедуры. Если соответствующая процедура в полном объеме соблюдена (а соблюдение процедуры – это забота прежде всего суда), то судебное постановление по общему правилу не может признаваться незаконным и (или) необоснованным и, значит, отмене не подлежит.

Ярким примером приведенного тезиса могут служить предусмотренные главой 32 ГПК правила апелляционного производства. Данные правила (см. п. 4 ч. 1 ст. 405, п. 3 ч. 3 ст. 415, ч. 3 ст. 418 ГПК) запрещают заинтересованным лицам представлять в суд апелляционной инстанции те новые доказательства, которые они имели возможность предъявить суду первой инстанции. Объективно эти новые доказательства могут указывать на неправильность разрешения дела судом первой инстанции. Однако если заинтересованное лицо имело возможность предъявить эти доказательства суду первой инстанции (т. е. процедура доказывания была соблюдена), но данной возможностью не воспользовалось, то названные доказательства не приведут к отмене решения суда, с точки зрения соблюдения процедуры рассмотрения дела судом первой инстанции это (пусть объектное и неправильное) решение должно считаться законным и обоснованным.

Правила апелляции также не допускают предъявления в суде второй инстанции встречного иска (ч. 2 ст. 417 ГПК), хотя встречный иск мог бы кардинально повлиять на оценку правильности решения суда, например, если первоначальный иск направлен на взыскание задолженности по договору, а встречный иск – на признание данного договора недействительным. И это еще одно подтверждение тому, что в апелляционном порядке проверяется не абсолютная правильность решения, а его законность и обоснованность с точки зрения соблюдения судебной процедуры (если суд первой инстанции обеспечил все условия для подачи встречного иска, в том числе разъяснил право на его предъявление, но ответчик данное право так и не реализовал, то основания для отмены судебного решения отсутствуют).

Вместе с тем из общего правила о том, что законность и обоснованность судебного постановления должны проверяться сугубо в контексте соблюдения той процедуры, в рамках которой постановление было вынесено, могут быть исключения. Однако важно подчеркнуть, что данные исключения должны иметь под собой весомые основания и быть санкционированы на законодательном уровне. Классический тому пример – производство по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 34 ГПК, глава 34 ХПК), в котором законность и обоснованность судебных постановлений проверяется не с точки зрения процедуры рассмотрения и разрешения дела (ее соблюдение не влияет на возможность оставления постановления в силе и даже более того – не проверяется), а с точки зрения его абсолютной правильности. Причина, обуславливающая подобное исключение, состоит в объективной неизвестности (и суду, и заинтересованным лицам) имеющих существенное значение для дела обстоятельств на момент его рассмотрения и разрешения. Другой пример – проверка решения суда в апелляционном порядке в контексте тех новых доказательств, которые по уважительным причинам не были представлены заинтересованными лицами суду первой инстанции (см. п. 4 ч. 1 ст. 405, п. 3 ч. 3 ст. 415, ч. 3 ст. 418 ГПК). С учетом новых доказательств решение суда будет подлежать отмене, даже если процедура рассмотрения и разрешения дела судом первой инстанции была в полном объеме соблюдена (например, суд обеспечил заинтересованному лицу все возможности для представления доказательства, однако доказательство не было предъявлено потому, что заинтересованное лицо о нем объективно не знало). Основание для данного исключения – отсутствие вины заинтересованных лиц в непредъявлении суду первой инстанции значимых доказательств.

Возвращаясь к приказному производству, нужно сказать, что по своей процедуре оно рассчитано на выяснение материально-правового положения (прав и обязанностей в материально-правовой сфере) лишь взыскателя и должника. Как видно из содержания главы 31 ГПК и главы 24 ХПК, участниками приказного производства, имеющими непосредственную заинтересованность в исходе дела, являются только стороны – взыскатель и должник, при этом в п. 2 ч. 1 ст. 394 ГПК для требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей особо подчеркнуто, что оно не должно быть связано с необходимостью привлечения третьих лиц для участия в деле. Заявление о возбуждении приказного производства и прилагаемые к нему документы должны содержать сведения только о взыскателе и должнике, а также описывать историю лишь их взаимоотношений (ч. 2 ст. 395 ГПК, ч. 2 ст. 221 ХПК). В определении о судебном приказе тоже отражается материально-правовое положение только взыскателя и должника (ч. 2–4 ст. 397 ГПК,

ч. 3 ст. 225 ХПК). Определение о судебном приказе направляется (вручается) лишь взыскателю и должнику (ч. 1, 8 ст. 398 ГПК, ч. 4 ст. 225 ХПК²), причем в хозяйственном процессе должнику подлежат направлению еще копия заявления о возбуждении приказного производства и копии приложенных к нему документов (ч. 4 ст. 221 ХПК).

Таким образом, приказное производство не приспособлено для выяснения материально-правового положения иных, кроме взыскателя и должника, лиц. И в этом отношении вряд ли справедлив высказанный Белорусской республиканской коллегией адвокатов в адрес судов упрек в том, что «в правоприменительной практике имеют место случаи, когда суды общей юрисдикции в рамках приказного производства выносят определения о судебном приказе без всестороннего и полного рассмотрения дела, в то время как имеются спор о праве и широкий круг заинтересованных в исходе дела лиц, которые должны были участвовать в деле и излагать свою позицию» (см. ч. 4 вводной части решения № Р-1122/2018). Ведь приказное производство не рассчитано на «всестороннее и полное рассмотрение дела» с вовлечением в него широкого круга заинтересованных лиц и выяснением позиций последних. Приказное производство – это дело только двух лиц: взыскателя и должника.

Если из представленных взыскателем документов видно, что заявленное им требование затрагивает интересы каких-то других, помимо взыскателя и должника, субъектов, то суд должен отказать в принятии заявления о возбуждении приказного производства (думается, что на основании п. 4 ч. 2 ст. 396 ГПК, абзаца 5 ч. 1 ст. 222 ХПК: «...усматривается наличие спора о праве, который невозможно разрешить на основании представленных документов»). Но если из документов указанное не следует, если эти документы однозначно подтверждают заявленные взыскателем требования и от должника против данных требований возражений не поступило, то определение о судебном приказе применительно к процедуре приказного производства должно признаваться законным и обоснованным. И никаких значимых оснований для того, чтобы проверять правильность этого определения вне контекста соблюдения процедуры приказного производства (т. е. проверять абсолютную правильность определения) по заявлению лица, права и (или) законные интересы которого затрагиваются определением о судебном приказе, на наш взгляд, нет (все остальные доводы, которые мы приведем далее в пользу отстаиваемой точки зрения, будут только подтверждать отсутствие таких оснований).

Однако совсем иная ситуация имеет место с проверкой определения о судебном приказе по заявлению (возражению) должника (процедура, предусмотренная ч. 3, 4 ст. 398 ГПК, ч. 1, 3 ст. 226 ХПК, тоже является судебной проверочной формой). Проверка в этом случае осуществляется вне контекста соблюдения процедуры приказного производства по следующим причинам. Во-первых, процедура приказного производства максимально упрощена и суду достаточно сложно здесь что-то нарушить (хотя такие случаи не исключены, например, суд может вынести определение о судебном приказе по требованию, которое не подлежит разрешению в приказном производстве, или удовлетворить требование при недостаточности для этого доказательств). Главная «опасность» в приказном производстве исходит не столько от суда, сколько от взыскателя, который, злоупотребляя своим правом на обращение в суд, может заявить (и подтвердить документально) требования, которые объективно уже не существуют (или даже вообще никогда не существовали) либо существуют в меньшем размере. В этом плане весьма показательна терминология процессуального законодательства, которое говорит, что должником подаются «возражения против заявленных требований» (ч. 3, 4 ст. 398 ГПК), «возражения против требований взыскателя» (ч. 1 ст. 226 ХПК), а не «возражения против определения о судебном приказе».

Во-вторых, что самое главное, действия, предусмотренные ч. 3, 4 ст. 398 ГПК, ч. 1, 3 ст. 226 ХПК, – это не только процедура проверки определения о судебном приказе, но и процедура выяснения (причем выяснения впервые с момента возникновения в суде соответствующего дела) позиции непосредственно заинтересованного в исходе дела лица (должника) по поводу дела, в котором оно участвует и которое направлено на выяснение его материально-правовых взаимоотношений со взыскателем. Именно по этой причине должна проверяться абсолютная (объективная) правильность определения о судебном приказе, а не его законность и обоснованность с точки зрения соблюдения процедуры приказного производства.

При этом заметим, что проверка правильности определения о судебном приказе по возражению должника имеет в гражданском процессе значительную специфику по сравнению с хозяйственным судопроизводством. Так, согласно ч. 4 ст. 398 ГПК поступление от должника возражений против заявленных взыскателем требований уже само по себе является достаточным основанием для отмены определения о судебном приказе (независимо от

²ГПК предусматривает направление определения о судебном приказе также (по любым делам) в налоговый орган (ч. 9 ст. 398) и (по делам о взыскании расходов на содержание детей, находящихся на государственной обеспечении) в орган внутренних дел, подразделение исполкома по труду, занятости и социальной защите (ч. 10 ст. 398), однако данные субъекты не имеют никакой заинтересованности в исходе дела, так как их материально-правовое положение определением о судебном приказе не устанавливается.

мотивов возражений должника и даже независимо от наличия самих этих мотивов)³. Как подчеркнул Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в ч. 1 п. 12 постановления от 29 июня 2006 г. № 4 «О практике рассмотрения судами заявлений в порядке приказного производства» (далее – постановление ВС № 4), «в силу ч. 4 ст. 398 ГПК возражения должника влекут безусловную отмену определения о судебном приказе». Иными словами, здесь реализована базирующаяся, по сути, на фикции конструкция: любые возражения должника всегда свидетельствуют об абсолютной незаконности и (или) необоснованности определения о судебном приказе⁴, а значит, проверочная деятельность суда сводится только к установлению факта наличия данных возражений, но не к оценке данных возражений по существу.

2. Для обозначения влияния, которое определение о судебном приказе оказывает на иное (кроме взыскателя и должника) лицо, законодателем была избрана следующая формулировка: права и (или) законные интересы лица затрагиваются определением о судебном приказе. Данная формулировка была заимствована из решения № Р-1122/2018, в котором она использована 18 раз. Следует, однако, заметить, что формулировка является не вполне удачной.

Прежде всего нужно сказать, что выражение «затрагивать права (интересы)» весьма нетипично для процессуального законодательства. Например, в ГПК, помимо ч. 5, 7 ст. 398, оно использовано только в ч. 1 ст. 470: «В случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, которое подвергнуто аресту или описи, лицо, чье право затронуту в результате таких действий, вправе обратиться в суд с иском об освобождении имущества от ареста или исключении имущества из акта описи имущества». Стоит учитывать, что о затрагивании права говорилось и в предыдущих версиях данной нормы, а именно когда она еще изначально (т. е. с момента вступления ГПК в силу) содержалась в ч. 1 ст. 480 ГПК («всякое лицо, чье право затрагивается исполнением, может предъявить иск к взыскателю и должнику об освобождении имущества от ареста») и потом в результате принятия Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 439-З) (но до внесения в данную норму корректировок Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 90-З «Об изменении законов по вопросам исполнительного производства» (далее – Закон № 90-З)) переместилась в ч. 1 ст. 470 ГПК («в случае возникновения спора, связанного с принадлеж-

ностью имущества, на которое обращается взыскание, лицо, чье право затрагивается исполнением исполнительного документа, вправе обратиться в суд с иском об освобождении имущества от ареста или исключении имущества из акта описи имущества»).

В ХПК указанное выражение встречается несколько чаще: кроме ч. 2, 4 ст. 226, также в абзацах 2, 3 ст. 42, абзаце 2 ч. 2 ст. 48, абзаце 2 ч. 1 ст. 66, ч. 1 ст. 335. Норма ч. 1 ст. 335 ХПК идентична по содержанию нынешней ч. 1 ст. 470 ГПК, хотя прежде тоже звучала несколько иным образом: в изначальной редакции ХПК она содержалась в ч. 1 ст. 250 и дословно соответствовала норме ч. 1 ст. 480 ГПК; после изложения ХПК в новой редакции Законом Республики Беларусь от 6 августа 2004 г. № 314-З «О внесении изменений и дополнений в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь» норма переместилась в ч. 6 ст. 379 и слегка изменилась («любое лицо, чье право затрагивается исполнением исполнительного документа, вправе предъявить иск к взыскателю и должнику об освобождении имущества от ареста»); принятие Закона № 439-З привело к закреплению нормы в ч. 1 ст. 335 ГПК (в такой же текстуальной редакции, которую на тот момент имела ч. 1 ст. 470 ГПК, с той только разницей, что вместо термина «суд» она оперировала выражением «суд, рассматривающий экономические дела»); наконец, благодаря Закону № 90-З анализируемая норма приобрела свой нынешний вид. Что же касается правил абзацев 2, 3 ст. 42, абзаца 2 ч. 2 ст. 48, абзаца 2 ч. 1 ст. 66 ХПК, то они имеют отношение к делам об оспаривании ненормативных правовых актов, действий (бездействия) государственных органов, органов местного управления и самоуправления, иных органов или должностных лиц, которыми затрагиваются права и законные интересы физических лиц и организаций в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности.

Вместе с тем и ГПК, и ХПК используют совсем другую терминологию, когда идет речь о субъектах, которые не являлись участниками судопроизводства и которые имеют право требовать пересмотра (проверки) вынесенного без их участия судебного постановления. В апелляционном производстве по гражданским делам эти субъекты идентифицированы как «иные лица, в отношении которых суд вынес решение об их правах и обязанностях» (ч. 1, 2 ст. 399 ГПК). Сходную формулировку для апелляции, а также кассации использует и ХПК: «...лица, не привлеченные к участию в деле, чьи права и законные

³ Такое положение вещей существует с момента вступления в силу Закона Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 376-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросам совершенствования приказного и исполнительного производства», которым основание для отмены определения о судебном приказе было изменено с «обоснованные возражения против заявленного требования» на «возражения против заявленного требования».

⁴ О наличии здесь фикции мы говорим потому, что судебное постановление, независимо от его объективной правомерности, всегда априори признается противоположным по характеру – неправомерным.

интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если суд, рассматривающий экономические дела, принял судебное постановление об их правах и обязанностях» (ст. 267, 282). Для надзорного производства в гражданском и хозяйственном процессах соответствующие формулировки практически идентичны: «лица, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены вынесенным по делу судебным постановлением» (абзац 2 ч. 2 ст. 436 ГПК) и «лица, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу» (ч. 1 ст. 303 ХПК).

Кроме того, выражение «затрагивать права (интересы)» является крайне неопределенным по своему смыслу, чем, вероятно, и объясняется столь редкое использование данного выражения в ГПК и ХПК. Когда говорят, что судебное постановление затрагивает права (интересы) какого-то лица, то означает ли это, что судебное постановление вынесено о правах (интересах) данного лица, или что судебное постановление нарушает эти права, интересы⁵ либо что судебное постановление каким-то иным образом соотносится с указанными правами (интересами)? Очевидно, что словосочетание «затрагивает права (интересы)» допускает самые различные трактовки, которые могут привести и к ошибкам в правоприменении. Например, если в ходе принудительной реализации определения о судебном приказе на имущество иного, нежели должник, лица ошибочно был наложен арест, то у такого лица тоже появляются основания говорить, что его права (интересы) затрагиваются определением о судебном приказе. Однако признавать за таким лицом право требовать отмены определения о судебном приказе в порядке ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 2 ст. 226 ХПК было бы, на наш взгляд, явной ошибкой.

Обращение к тем примерам затрагивания определением о судебном приказе прав и (или) законных интересов иного лица, на которые ссылалась Белорусская республиканская коллегия адвокатов в ходе рассмотрения дела Конституционным Судом (иное лицо претендует на имущество, взысканное с должника, или иное лицо является кредитором или учредителем (участником) должника, а определением

о судебном приказе удовлетворены явно завышенные или необоснованные требования взыскателя (см. ч. 9 п. 2 решения № Р-1122/2018)), показывает, что в этих случаях имеет место затрагивание прав и (или) законных интересов не с юридической точки зрения (поскольку определение о судебном приказе не констатирует отсутствие у иного лица соответствующих прав и (или) законных интересов), а с фактической, т. е. усложняет иному лицу процесс фактической реализации его прав (законных интересов), потому что переход интересующего иное лицо материального блага от должника к взыскателю способен создать сложности для получения данного блага в обладание иного лица (ведь взыскатель может распорядиться этим благом путем его отчуждения, уничтожения и т. д.). То, что после исполнения определения о судебном приказе у иного лица могут возникать препятствия фактического характера для восстановления своего первоначального, в том числе имущественного, положения, отмечается и в ч. 12 п. 5 решения № Р-1122/2018⁶. Фактический же характер влияния определения о судебном приказе на права (законные интересы) иного лица вызывает сомнения в оправданности предоставления этому лицу возможности требовать отмены данного определения.

Вообще стоит сказать, что субъекты регулируемых правом отношений состоят между собой в самых разнообразных связях, поэтому изменения, происходящие в положении одного из них (в частности, в виде взыскания с него по определению о судебном приказе денежных средств или иного имущества), неминуемо тем или иным образом фактически отразятся на положении (или, другими словами, затронут права, интересы) множества других субъектов. Например, взыскание с гражданина крупной денежной суммы может затрагивать интересы его супруги (он не сможет приобрести ей ювелирное украшение, которое давно обещал), детей (детям будут подарены более дешевые и, значит, менее качественные игрушки), семьи в целом (семья не может отправиться на отдых за рубеж), родителей (не будет оказана необходимая им материальная помощь), знакомых (гражданин не сможет дать им займы ту сумму,

⁵Примечательно, что в ч. 2 п. 12 постановления ВС № 4 разъяснено, что заявление иного лица «может повлечь отмену определения о судебном приказе только в том случае, когда судья установит, что данное судебное постановление нарушает права и законные интересы этого лица». Упоминания о нарушении определением о судебном приказе прав и (или) законных интересов иного лица можно встретить и в ч. 3 п. 2, ч. 3 п. 4, ч. 9, 12, 13 п. 5 решения № Р-1122/2018.

⁶Там сказано, что, «по мнению Конституционного Суда, наличие права подачи надзорной жалобы лицом, чьи права и интересы нарушены определением о судебном приказе, не во всех случаях является достаточным для обеспечения реальной защиты нарушенных прав, поскольку после исполнения вступившего в законную силу определения о судебном приказе могут возникнуть препятствия фактического или юридического характера, исключающие возможность восстановления первоначального, в том числе имущественного, положения лица, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены определением о судебном приказе». Как видно, Конституционный Суд указывает на возможность возникновения у иного лица при восстановлении им своего первоначального положения препятствий не только фактического, но и юридического плана, с чем сложно согласиться. Ведь факт вынесения определения о судебном приказе, равно как и факт исполнения данного судебного постановления, сам по себе не ведет к прекращению (ликвидации, утрате) тех прав (интересов), которыми обладает иное лицо, данные права (интересы) с юридической точки зрения продолжают по-прежнему существовать. Следовательно, при восстановлении своего *status quo* иное лицо может столкнуться с препятствиями только фактического свойства.

которую ранее обещал, или, наоборот, не сможет своевременно вернуть сумму, взятую у них в долг), соседей (будет утрачена материальная возможность возвести ограждение на границе собственного и соседских земельных участков), нанимателя (чтобы рассчитаться по долгу, гражданину может потребоваться найти другую, более высокооплачиваемую, работу), потенциальных контрагентов (гражданин скорее всего будет воздерживаться от обращения в те объекты социального и бытового обслуживания (рестораны, магазины и т. д.), которые он ранее посещал) и т. д.

Взыскание денежной суммы с юридического лица способно затронуть интересы его участников (они не получают дивидендов или получают их в значительно меньшем размере), кредиторов (организация не сможет вовремя расплатиться с ними по долгам), потенциальных контрагентов (отсутствие материальных активов не позволит организации выполнять обязательства по новым контрактам, а значит, заставит отказаться от их заключения), наемных работников (необходимость выплаты организацией долга может негативным образом сказаться на размере их заработной платы), лиц, находящихся в различных социальных связях с наемными работниками (очевидно, что снижение уровня заработной платы наемных работников способно затронуть интересы их супругов, детей, знакомых и всех остальных лиц, которые были перечислены нами в приведенном выше примере, связанном со взысканием крупной денежной суммы с гражданина). Таким образом, если признавать за каждым лицом, чьи интересы могут затрагиваться определением о судебном приказе, право требовать отмены данного постановления в порядке ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 2 ст. 226 ХПК, то придется признать, что таким правом обладает неограниченно широкий круг лиц, а само определение о судебном приказе является крайне нестабильным (в плане возможности его отмены) судебным актом.

3. Выяснение вопроса о том, затрагивает ли и если затрагивает, то в каких форме и объеме, определение о судебном приказе права и (или) законные интересы каких-то иных, помимо взыскателя и должника, лиц, требует проведения полномасштабного судебного разбирательства, или, если использовать терминологию Белорусской республиканской коллегии адвокатов, приведенную в ч. 4 вводной части решения № Р-1122/2018, требует всестороннего и полного рассмотрения дела с вовлечением широкого круга заинтересованных в исходе дела лиц и выяснением их позиций. Так, когда иное лицо пре-

тендует на имущество, присужденное определением о судебном приказе в пользу взыскателя с должника, тогда в судебном заседании с участием данных трех субъектов необходимо установить, чем подтверждается право собственности (другое вещное право) иного лица на соответствующую вещь и чем опровергаются притязания на данную вещь со стороны взыскателя и должника. Когда иное лицо является кредитором или участником должника, а с должника, как полагает иное лицо, взысканы явно завышенные или необоснованные суммы, тогда в судебном заседании с участием всех заинтересованных лиц нужно выяснить, действительно ли соответствующее обязательство между взыскателем и должником не существует или существует в меньшем размере.

Однако процедура отмены определения о судебном приказе по заявлению иного лица поданных гарантий не предоставляет. Как видно из ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 3 ст. 226 ХПК, проведение судебного заседания (с вызовом взыскателя, должника и иного лица) с целью всестороннего рассмотрения заявления иного лица не предусмотрено (более того, не регламентирован даже срок, в течение которого суд это заявление должен хотя бы в каком-то порядке рассмотреть). Данный вывод подтверждает и содержание ч. 3 п. 12 постановления ВС № 4: «Возражения должника, а также заявление иного лица рассматриваются судьей без вызова сторон и проведения судебного заседания». Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 мая 2011 г. № 9 «О некоторых вопросах приказного производства» (далее – постановление ВХС № 9) аналогичного разъяснения не содержит, однако буквальный смысл правила ч. 3 ст. 226 ХПК⁷, которое по своей конструкции идентично правилу ч. 5 ст. 398 ГПК⁸, не оставляет сомнений в том, что судебное заседание проведению не подлежит.

При этом обращает на себя внимание также то, что между гражданским и хозяйственным процессами существуют даже значительные различия в части требований, предъявляемых к заявлению иного лица. Согласно ч. 2 ст. 226 ХПК в заявлении со ссылкой на нормы законодательства должны быть указаны права и (или) законные интересы, затронутые определением о судебном приказе, обстоятельства, на которых основаны возражения, доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, обоснование соблюдения срока на подачу заявления, а к заявлению должны быть приложены документы, подтверждающие изложенные в нем сведения. Между тем в ч. 5 ст. 398 ГПК сказано лишь, что иное

⁷«В случаях, предусмотренных частями первой и второй настоящей статьи, суд, рассматривающий экономические дела, выносит определение об отмене определения о судебном приказе, или определение об отмене определения о судебном приказе в части, или определение об отказе в отмене определения о судебном приказе».

⁸«По результатам рассмотрения такого заявления судья выносит определение об отмене определения о судебном приказе либо определение об отказе в отмене определения о судебном приказе».

лицо «вправе подать в суд мотивированное заявление об отмене определения о судебном приказе с использованием любых средств связи».

Очевидно, что реализованные в ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 2, 3 ст. 226 ХПК подходы не только затрудняют достоверное установление того, затрагивает определение о судебном приказе права и (или) законные интересы иного лица или же нет; они еще ведут к нарушению права на судебную защиту взыскателя и должника, поскольку важнейший для данных субъектов вопрос – вопрос отмены судебного постановления, которым установлено (констатировано) их материально-правовое положение, – рассматривается без выяснения позиций взыскателя и должника по данному вопросу и в отсутствие возможности представления ими доказательств в пользу оставления определения о судебном приказе в силе.

4. Процессуальное законодательство устанавливает для иного лица ту же продолжительность срока на подачу заявления об отмене определения о судебном приказе, что и для должника, – десять дней, однако исчислению данный срок подлежит «со дня, когда этому лицу стало известно о вынесении такого определения» (ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 2 ст. 226 ХПК). Очевидно, что иному лицу может стать известно про определение о судебном приказе спустя довольно длительное время после его вынесения, особенно если учесть, что данному лицу в силу объективных причин (ввиду неизвестности этого лица на момент постановления определения о судебном приказе) экземпляр определения о судебном приказе направлению не подлежит. После вынесения определения о судебном приказе могут пройти недели, месяцы и даже годы (причем скорее всего к данному моменту определение о судебном приказе уже будет исполнено в полном объеме).

Отмена определения о судебном приказе в описанной ситуации приведет к нарушению принципа правовой определенности во взаимоотношениях взыскателя и должника: до тех пор, пока какое-то иное лицо имеет возможность подать заявление об отмене определения о судебном приказе (а такая возможность, как было показано, может длиться достаточно долго), стабильность правового положения взыскателя и должника, констатированного определением о судебном приказе, фактически будет находиться под постоянной угрозой. Кроме того, наличие возможности подать заявление об отмене определения о судебном приказе спустя продолжительное время после его вынесения уже само по себе способно спровоцировать злоупотребления со стороны иного лица: иное лицо может умышленно (специально) выжидать какое-то время, создавая видимость неизвестности ему факта вынесения определения о судебном приказе, для того чтобы затем подать заявление об отмене данного определения исключительно с целью навредить взыскателю, а, быть может, также и должнику.

5. В ч. 12 п. 3 решения № Р-1122/2018 Конституционный Суд обращает внимание на правовое регулирование сходных отношений в сфере приказного производства законодательством государств – членов Евразийского экономического союза – Республики Казахстан и Российской Федерации. Так, в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан судья отменяет судебный приказ, если от должника в установленный срок поступят возражения против заявленного требования либо если поступит заявление другого лица, права и обязанности которого затрагиваются судебным приказом, о несоответствии вынесенного судебного приказа требованиям закона (часть первая статьи 142)».

Вместе с тем ссылки на законодательство указанных государств – членов Евразийского экономического союза представляются нам не вполне убедительными. Дело в том, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) (см. ст. 129) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (см. ч. 4 ст. 229.5) допускают возможность отмены судебного приказа вынесшим его судом только по возражениям должника, какие-то иные лица, интересы которых потенциально могут затрагиваться судебным приказом, правом подачи заявления об отмене судебного приказа не обладают. Что же касается процессуального законодательства Республики Казахстан, то факт наличия в нем норм, позволяющих иным, помимо должника, лицам требовать отмены судебного приказа, сам по себе еще не говорит о том, что данные нормы абсолютно верны и их необходимо заимствовать в белорусское гражданское и хозяйственное судопроизводство.

Например, Законом Республики Беларусь от 20 октября 2006 г. № 173-З «О внесении дополнений и изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» в белорусский гражданский процесс из ГПК РФ (см. ст. 152) был заимствован институт предварительного судебного заседания, в том числе и правила о том, что в предварительном судебном заседании может рассматриваться заявление стороны о применении срока обращения в суд или срока исковой давности и что при установлении факта пропуска без уважительных причин данного срока судья принимает решение об отказе в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу (ч. 6, 7 ст. 264 ГПК). Однако мы уже подробно обосновывали, что допускать возможность вынесения в предварительном судебном заседании решения об отказе в иске по мотиву пропуска истцом срока исковой давности (срока на обращение в суд) без исследования иных фактических обстоятельств по делу является ошибкой, потому что если истец не обладает соответствующим материальным правом или обладает, но это право не было ответчиком нарушено, то срок исковой давности (срок на обращение в суд) своего течения начать не мог, а значит,

мотивировать решение об отказе в иске ссылкой на пропуск истцом исковой давности (срока на обращение в суд) недопустимо⁹.

6. При рассмотрении Конституционным Судом соответствующего дела ряд государственных органов, отрицая необходимость предоставления иным, помимо должника, лицам возможности требовать отмены определения о судебном приказе от вынесшего его суда, обосновывали свою позицию в том числе тем, что данные лица могут осуществить защиту своих прав и (или) законных интересов в надзорном производстве. Так, Верховный Суд Республики Беларусь указал, что «лица, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены, могут обжаловать вынесенное определение о судебном приказе в порядке надзора в соответствии с частью второй статьи 437 ГПК» (ч. 3 п. 2 решения № Р-1122/2018). Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь также отметил, что, «кроме того, положениями ГПК и ХПК предусмотрена возможность подачи надзорной жалобы лицами, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены вынесенным по делу судебным постановлением» (ч. 7 п. 2 решения № Р-1122/2018).

Следует согласиться с мнением Конституционного Суда о том, что «наличие права подачи надзорной жалобы лицом, чьи права и интересы нарушены определением о судебном приказе, не во всех случаях является достаточным для обеспечения реальной защиты нарушенных прав, поскольку после исполнения вступившего в законную силу определения о судебном приказе могут возникнуть препятствия фактического или юридического характера, исключающие возможность восстановления первоначального, в том числе имущественного, положения лица, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены определением о судебном приказе» (ч. 12 п. 5 решения № Р-1122/2018). Возражения здесь вызывает, как было отмечено выше, лишь указание на возможность возникновения у иного лица препятствий юридического характера для восстановления своего первоначального положения.

Конституционный Суд также справедливо обращает внимание на то, что пересмотр в порядке надзора вступивших в законную силу судебных постановлений «возможен лишь как дополнительная гарантия их законности и предполагает установление в данной стадии процесса особых оснований и процедур производства, соответствующих ее правовой

природе и предназначению» (ч. 11 п. 5 решения № Р-1122/2018). Надзорное производство как проверочная форма действительно обладает значительной спецификой, выражающейся, в частности, в том, что заинтересованные лица не имеют возможности напрямую инициировать его возбуждение (возбуждение надзорного производства допустимо только на основании протестов узкого круга высокопоставленных должностных лиц судов общей юрисдикции и органов прокуратуры, указанных в ст. 439 ГПК, ст. 301 ХПК), отмену судебного постановления влекут только существенные нарушения норм материального и (или) процессуального права (ст. 448 ГПК, ст. 314 ХПК).

Однако наряду с этим стоит отметить и еще одно обстоятельство, которое свидетельствует против возможности использования надзорного производства в качестве механизма судебной защиты лица, права и (или) законные интересы которого затронуты определением о судебном приказе. Дело в том, что у судов надзорной инстанции недостаточно полномочий для того, чтобы обеспечить защиту иного лица в случае признания определения о судебном приказе затрагивающим его права и (или) законные интересы (на этот момент мы уже обращали внимание, анализируя допустимость применения надзорного производства в целях защиты интересов должника [7, с. 464–467]).

Так, суды надзорной инстанции не могут применить полномочие, предусмотренное п. 5 ст. 447 ГПК и абзацем 6 ст. 315 ХПК (отменить проверяемое и вынести по делу новое постановление), поскольку новым, т. е. противоположным по содержанию, постановлением здесь может быть только определение об отказе в принятии заявления о возбуждении приказного производства по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 2 ст. 396 ГПК, абзацем 5 ч. 1 ст. 222 ХПК («усматривается наличие спора о праве, который невозможно разрешить на основании представленных документов»¹⁰), выносить которое компетентны только суды первой инстанции. Нецелесообразно использование надзорными инстанциями и полномочия, зафиксированного в п. 3 ст. 447 ГПК и абзаце 3 ст. 315 ХПК (отмена постановления и направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции), поскольку в суде первой инстанции дело будет рассматриваться по правилам приказного производства (т. е. без учета позиции иного лица), а значит, в наличии будут все условия для повторного

⁹См.: Скобелев В. П. О праве суда вынести решение в предварительном судебном заседании // Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК Республики Беларусь) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 6 нояб. 2009 г.) ; редкол.: Т. А. Белова [и др.]. Минск : Белпринт, 2009. С. 91–105 ; *Он же*. Теоретические вопросы применения судебного порядка рассмотрения и разрешения административных споров в социальной сфере // Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы / О. И. Чуприс [и др.]; под ред. О. И. Чуприс. Минск : БГУ, 2016. С. 103–105.

¹⁰Объясняется это особенностями приказного производства, в силу которых определение о судебном приказе выносится только в случае удовлетворения требований взыскателя, отказ же в удовлетворении данных требований оформляется определением об отказе в принятии заявления о возбуждении приказного производства.

вынесения того же самого определения о судебном приказе, которое ранее надзорной инстанцией было отменено.

Вместе с тем невозможность использования надзорного производства для защиты лица, права и (или) законные интересы которого затронуты определением о судебном приказе, сама по себе еще не говорит, что этому лицу должна быть предоставлена возможность подачи заявления об отмене данного судебного постановления в суд, который это постановление вынес.

7. Подача заявления об отмене определения о судебном приказе является малоэффективным механизмом защиты прав (законных интересов) иного лица, поскольку не способна принести ему существенных выгод (преимуществ). Действительно, иное лицо может добиться отмены определения о судебном приказе, однако это автоматически не приведет к разрешению спора о тех правах и (или) законных интересах, которые он считает затронутыми определением о судебном приказе, по крайней мере, к разрешению спора об этих правах и (или) законных интересах со взыскателем и должником.

Во-первых, потому, что вопрос об отмене определения о судебном приказе рассматривается без участия взыскателя и должника (выяснение их позиций по данному вопросу законом ни в какой форме не предусмотрено), а значит, вынесенное по результатам рассмотрения данного вопроса судебное постановление не может связывать их своим содержанием, т. е. порождать в отношении взыскателя и должника (конечно, при условии, что такое постановление в принципе способно их порождать) эффекты исключительности и преюдициальности, даже если в этом постановлении указано на наличие у иного лица каких-то прав и (или) законных интересов и на нарушение этих прав (законных интересов) взыскателем и (или) должником.

Во-вторых, в случае положительного (равно как и отрицательного) разрешения вопроса об отмене определения о судебном приказе по заявлению иного лица выносится определение (ч. 5 ст. 398 ГПК, ч. 3 ст. 226 ХПК). А определениями суда, как известно, материально-правовое положение заинтересованных в исходе дела лиц не устанавливается, определения предназначены для разрешения исключительно процессуально-правовых вопросов (в нашем случае все значение определения, вынесенного в порядке ч. 5 ст. 398 ГПК или ч. 3 ст. 226 ХПК, будет состоять лишь в аннулировании результатов рассмотрения заявленного взыскателем требования и открытии процессуальной возможности для его нового рассмотрения, в частности, в рамках искового производства) [11, с. 67–110, 384–388]. Как следствие, определениям суда не сопутствуют эффекты исклю-

чительности и преюдициальности [11, с. 228–254, 394–397].

Далее, если определение о судебном приказе уже исполнено, то его отмена не приведет к изменениям в фактическом обладании тем благом, на которое претендует иное лицо. Так, данное благо не сможет перейти в обладание иного лица, поскольку определением, выносимым согласно ч. 5 ст. 398 ГПК или ч. 3 ст. 226 ХПК, спор по поводу данного блага между иным лицом и взыскателем не разрешается. Не возвратится указанное благо и в обладание должника в соответствии с процедурой поворота исполнения судебного постановления, потому что для осуществления поворота исполнения одной только отмены судебного постановления недостаточно, требуется также, чтобы по делу было вынесено новое постановление об отказе в удовлетворении требований или их удовлетворении в меньшем объеме, о прекращении производства по делу или оставлении заявления без рассмотрения (см. ст. 465 ГПК, ст. 331 ХПК), что в нашем случае не происходит.

Наконец, стоит сказать, что отмена определения о судебном приказе по заявлению иного лица отнюдь не означает того, что взыскатель не обратится повторно с тем же самым требованием в порядке приказного производства. Правило о том, что после отмены определения о судебном приказе «требования взыскателя могут быть предъявлены в порядке искового производства»¹¹, отнюдь этому не препятствует.

Не может быть отказано взыскателю в принятии заявления и по п. 4 ч. 2 ст. 396 ГПК, абзац 5 ч. 1 ст. 222 ХПК («усматривается наличие спора о праве, который невозможно разрешить на основании представленных документов»). Во-первых, делать вывод о наличии спора о праве суд может, на наш взгляд, только на основе представляемых взыскателем документов, а взыскателем, конечно же, будут предъявляться, как и в первый раз, только те документы, из которых наличие спора о праве с иным лицом не вытекает, в том числе взыскателем не будет предъявлено и ранее вынесенное определение об отмене определения о судебном приказе по заявлению иного лица (а ссылаться на данное определение по собственной инициативе суд, по нашему мнению, не вправе, даже если ему об этом определении доподлинно известно). Во-вторых, наличие у взыскателя спора о праве с иным лицом на момент его первого обращения с заявлением о возбуждении приказного производства само по себе еще не свидетельствует о том, что данный спор имеет место и при вторичном обращении взыскателя в суд.

Очевидно, что по вторичному обращению взыскателя судом будет вынесено точно такое же определение о судебном приказе, как и в предыдущий раз,

¹¹Правило прямо закреплено в ч. 6 ст. 398 ГПК; ч. 5 ст. 226 ХПК в аналогичной ситуации говорит о возможности рассмотрения требований взыскателя «в порядке, установленном настоящим Кодексом», однако из ч. 4 п. 27 постановления ВХС № 9 следует, что под таким порядком подразумевается именно исковое производство.

а иным лицом, как и прежде, может быть подано заявление об отмене данного определения о судебном приказе. И такой сценарий развития событий может повторяться неограниченное число раз. Но даже если взыскатель повторно заявит свои требования не в приказном, а в исковом производстве, то ситуация для иного лица улучшится не намного: иное лицо может не узнать об этом процессе (о процессе ему может стать известно лишь в результате ознакомления с вынесенным по его итогам решением суда), но даже если и узнает, то нет никаких гарантий того, что, во-первых, оно будет допущено (по его инициативе) или вовлечено (по инициативе суда или участников судопроизводства) в этот процесс в том или ином процессуальном статусе и, во-вторых, что данный процессуальный статус позволит ему надлежащим образом защитить свои права и (или) законные интересы (например, участие в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, снижает шансы иного лица на осуществление защиты собственных интересов, если последние заключаются в том, чтобы получить в свое обладание благо, являющееся предметом спора взыскателя и должника).

8. Полагаем, что еще до вынесения решения № Р-1122/2018 и вступления в силу Закона № 233-З в процессуальном законодательстве существовал необходимый механизм судебной защиты для лица, права и (или) законные интересы которого затронуты определением о судебном приказе. В качестве такого механизма прежде всего выступает предъявление иным лицом иска ко взыскателю и (или) должнику. Исходя из тех примеров затрагивания определением о судебном приказе прав и (или) законных интересов иного лица, на которые ссылалась Белорусская республиканская коллегия адвокатов в ходе рассмотрения дела Конституционным Судом (см. ч. 9 п. 2 решения № Р-1122/2018), такими исками могут быть следующие.

Если иное лицо претендует на имущество, которое по определению о судебном приказе было присуждено взыскателю с должника, то иному лицу целесообразно предъявить иск к взыскателю (если имущество уже было передано последнему) или к взыскателю и должнику (если передача имущества еще не состоялась) о признании собственных прав на данное имущество. В связи с этим стоит отметить, что имущество может быть присуждено с одного лица в пользу другого не только определе-

нием о судебном приказе, но и решением суда, вынесенным в исковом производстве. Соответственно, в последнем случае тоже может возникнуть ситуация затрагивания прав (интересов) иного лица, не участвовавшего в рассмотрении дела и претендующего на данное имущество. Однако данное лицо не имеет права требовать отмены судебного решения (поскольку сложившаяся судебная практика совершенно правильно не относит его ни к категории «иное лицо, о чьих правах (обязанностях) суд вынес решение» (см. ч. 1, 2 ст. 399 ГПК, ст. 267, 282 ХПК), ни к категории «лицо, чьи права (интересы) нарушены решением суда» (см. абзац 2 ч. 2 ст. 436 ГПК, ч. 1 ст. 303 ХПК)). Надлежащий путь защиты своих интересов для такого лица – это предъявление к победителю состоявшегося процесса (или к обеим его сторонам) иска о признании собственных прав на соответствующее имущество¹². Очевидно, что именно такой алгоритм судебной защиты должен применяться и в случае присуждения имущества по определению о судебном приказе.

Если же иное лицо является кредитором или учредителем (участником) должника, а определением о судебном приказе удовлетворены явно завышенные или необоснованные требования взыскателя к должнику, то иному лицу следует подавать иск о недействительности (как мнимых, притворных, не соответствующих требованиям законодательства и т. д.) полностью или в части совершенных взыскателем и должником сделок, по которым к должнику были предъявлены явно чрезмерные или объективно отсутствующие притязания. И в связи с этим сложно согласиться с утверждением Белорусской республиканской коллегии адвокатов, что «процессуальные законы не содержат механизмов противодействия заинтересованных лиц даже очевидно недобросовестному сговору между взыскателем и должником, когда, например, должник умышленно признает в приказном производстве явно завышенные или необоснованные требования одного из взыскателей» (см. ч. 9 п. 2 решения № Р-1122/2018). Ведь в приказном производстве требования взыскателя удовлетворяются не только и даже не столько¹³ потому, что они признаются должником, сколько потому, что они подтверждаются представленными взыскателем доказательствами (см. п. 4 ч. 2 ст. 395, п. 3 ч. 2 ст. 396 ГПК, абзац 5 ч. 2 ст. 221, абзац 9 ч. 1 ст. 222 ХПК). Данные доказательства указывают на совершение взыскателем и должником юридически

¹²Особенно ярко эта мысль отражена в ч. 3 ст. 65 ГПК: если суд отказал во вступлении в дело третьему лицу, желавшему заявить самостоятельные требования на предмет спора, то «в таком случае это третье лицо не лишается права подать заявление о возбуждении нового дела».

¹³Со строго юридической точки зрения правила приказного производства требуют не признания должником требований взыскателя, а непредставления должником возражений против данных требований (очевидно, что второе не всегда может иметь в своей основе первое). К тому же факт отсутствия возражений со стороны должника выясняется уже после вынесения определения о судебном приказе, т. е. после удовлетворения требований взыскателя (особенностью в этом плане обладают правила приказного производства в хозяйственном процессе, которые требуют выяснения указанного факта также и до вынесения определения о судебном приказе (см. ч. 4 ст. 221, абзац 10 ч. 1 ст. 222, ст. 223 ХПК)).

значимых действий – сделок. Если по мнению иного лица вытекающие из данных сделок требования являются явно завышенными или необоснованными и нарушают его интересы, то логично, что по всем канонам судебной защиты иному лицу следует доказывать порочность данных сделок путем предъявления иска. И если решением суда иск иного лица будет удовлетворен, то это послужит поводом для отмены определения о судебном приказе в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам¹⁴.

Примечательно, что на возможность защиты иным лицом своих прав и (или) законных интересов путем предъявления исковых требований указывали и отдельные государственные органы при рассмотрении Конституционным Судом соответствующего дела. Думается, что такой вывод вытекает из позиции Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, которая отмечала, что заинтересованные лица по делам приказного производства «могут защитить свои права, которые, по их мнению, затрагиваются определением о судебном приказе, в порядке искового производства» (ч. 4 п. 2 решения № Р-1122/2018). Такую же точку зрения изложило и Министерство юстиции Республики Беларусь: «Принимая во внимание правовую природу приказного производства и иные положения гражданского и хозяйственного судопроизводства, Министерство юстиции полагает, что заинтересованные лица имеют законные основания реализовать свое конституционное право на судебную защиту в порядке искового производства» (ч. 5 п. 2 решения № Р-1122/2018).

Вместе с тем иные лица могут защищать в исковом производстве свои интересы не только путем предъявления иска. Так, если в результате вынесения определения о судебном приказе и его последующего исполнения должником у последнего возникло по отношению к иному лицу регрессное (или другое по характеру) требование и иск об исполнении обязательств по данному требованию был предъявлен должником к иному лицу¹⁵, то иное лицо вправе оспаривать любые обстоятельства, на которых базируется предъявленный к нему иск, потому что в силу положений ч. 2, 3 ст. 182 ГПК, ч. 2, 3 ст. 106 ХПК определение о судебном приказе преюдициального значения для него не имеет. Собственно, в ходе рассмотрения Конституционным Судом соответствующего дела отдельные государственные органы отмечали возможность защиты

иными лицами своих интересов в подобном порядке. В частности, «по мнению Верховного Суда, определение о судебном приказе, которое может повлиять на права и обязанности третьих лиц, не препятствует защите этими лицами своих прав и законных интересов в рамках судопроизводства по делам о рассмотрении регрессных исков» (ч. 3 п. 2 решения № Р-1122/2018).

При этом нужно сказать, что использование иным лицом для защиты собственных прав (интересов) возможностей искового производства имеет значительное количество преимуществ. Во-первых, таким образом будет разрешен конфликт иного лица с должником и (или) взыскателем, и тем самым взаимное материально-правовое положение данных субъектов (их материальные права, обязанности и интересы) получит публично-правовое признание в форме решения суда. Во-вторых, указанные субъекты будут связаны по отношению друг к другу сопутствующими решению суда эффектами исключительности и преюдициальности, т. е. не смогут повторно инициировать в суде споры по поводу разрешенных судебным решением вопросов. В-третьих, иное лицо в необходимых случаях сможет получить на руки исполнительный документ для обеспечения принудительной передачи того, что ему было присуждено по решению суда. В-четвертых, механизм искового производства является эффективным средством противодействия любым злоупотреблениям взыскателя и должника, в том числе и в тех ситуациях, когда взыскатель и должник договорились о мошенническом перераспределении соответствующих материальных благ без использования процедуры приказного производства (например, должник добровольно передал взыскателю имущество на основании фиктивно заключенных с ним сделок), т. е. когда отсутствует судебное постановление, об отмене которого можно было бы ставить вопрос.

9. Правда, в реальной жизни могут иметь место ситуации, когда механизмы искового производства не позволят иному лицу в полной мере обеспечить защиту собственных интересов, и как минимум одна из таких ситуаций может заключаться в следующем. Согласно ст. 122 Закона № 439-З взыскиваемые по исполнительным документам денежные средства подлежат распределению в определенной очередности. Если определением о судебном приказе с должника будут взысканы денежные средства,

¹⁴Выбор конкретной проверочной формы будет зависеть от того, как в зависимости от конкретных обстоятельств каждого отдельного случая будет квалифицирован факт недоброкачества соответствующей сделки: как факт, который был ошибочно проигнорирован судом первой инстанции (тогда будет использоваться надзорное производство), или как вновь открывшееся обстоятельство дела (тогда применению будут подлежать правила гл. 34 ГПК или гл. 34 ХПК). Вероятно, первый вариант касается ситуации, когда сделка являлась изначально ничтожной, а второй – когда сделка впоследствии была признана судом недействительной.

¹⁵Такая ситуация возможна, например, тогда, когда определением о судебном приказе с юридического лица были взысканы денежные суммы в рамках его гражданско-правовых обязательств перед другим субъектом хозяйствования и юридическое лицо решает взыскать эти суммы со своего работника как причиненный нанимателю излишними денежными выплатами ущерб. Другой пример: если определением о судебном приказе с поручителя по обязательству взыскана денежная сумма, то поручитель может в последующем предъявить регрессный иск о взыскании данной суммы с основного должника.

относящиеся к первой очереди (в частности, алименты на несовершеннолетних детей (см. абзац 2 ч. 1 ст. 122 Закона № 439-З), то это приведет к тому, что взыскание денежных средств с должника по иным исполнительным документам, относящимся к более поздним очередям и уже предъявленным к исполнению, будет на определенный период заблокировано частично или в полном объеме (поскольку размер удержаний из доходов физических лиц ограничен (см. ст. 107, 108 Закона № 439-З).

В такой ситуации о нарушении интересов получателей денежных средств по исполнительным документам более поздних очередей следует говорить тогда, когда денежное требование первой очереди (о взыскании алиментов) было предъявлено к должнику фиктивно (исключительно с целью заблокировать реализацию исполнительных документов по требованиям более поздних очередей в отношении должника, который фактически предоставляет все необходимое содержание своим несовершеннолетним детям). Очевидно, что здесь у иных лиц (т. е. получателей денежных средств по исполнительным документам более поздних очередей) вряд ли получится защитить свои интересы в исковом порядке, поскольку затруднительно сформулировать то исковое требование, которое могло бы принести им результат. Так, требовать признания отсутствия у должника обязанности по уплате алиментов априори бесперспективно, потому что данная обязанность на должнике в любом случае лежит, а установление факта фиктивности предъявления в приказном производстве требования об уплате алиментов, на наш взгляд, вряд ли может быть номинировано в качестве цели иска. Вероятно, в описанной ситуации иным лицам не останется ничего иного, как защищать свои интересы через инициирование отмены определения о судебном приказе в порядке надзора (со всеми сопутствующими этому порядку и описанными выше сложностями).

10. Весьма показательно, что подавляющее большинство государственных органов и иных организаций, в которые Конституционным Судом были направлены запросы по поводу рассматриваемого им дела (Верховный Суд Республики Беларусь, Генеральная прокуратура Республики Беларусь, Министерство юстиции Республики Беларусь, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь), высказались против предоставления иным лицам права требовать отмены определения о судебном приказе, поскольку в гражданском и хозяйственном процессах уже имеются механизмы защиты прав (интересов) этих лиц – инструменты, заложенные в процедуре самого приказного производства¹⁶, а также возможности, предоставляемые исковой формой защиты права и проверочной фор-

мой надзорного производства (см. п. 2 решения № Р-1122/2018).

В связи с этим Верховным Судом Республики Беларусь было констатировано, что «правовое регулирование приказного производства в обсуждаемой части является достаточным и не требует внесения каких-либо изменений в процессуальное законодательство по данному вопросу» (ч. 3 п. 2 решения № Р-1122/2018). Генеральная прокуратура Республики Беларусь тоже отметила, что «в гражданском и хозяйственном судопроизводстве отсутствует пробел правового регулирования в части обеспечения права на судебную защиту других лиц, кроме взыскателя и должника, чьи права и обязанности могут быть затронуты определением о судебном приказе, и необходимости во внесении изменений в ГПК и ХПК по данному вопросу не имеется» (ч. 4 п. 2 решения № Р-1122/2018). По мнению Министерства юстиции Республики Беларусь, «анализ законодательства не позволяет сделать однозначный вывод о наличии пробела правового регулирования в части обеспечения права на судебную защиту других заинтересованных лиц, права и обязанности которых могут затрагиваться определением о судебном приказе» (ч. 6 п. 2 решения № Р-1122/2018).

В свете всего вышеизложенного сложно согласиться со следующими утверждениями Конституционного Суда:

- «возможность судебной защиты других лиц, права и законные интересы которых могут быть затронуты определением о судебном приказе, в ГПК и ХПК не установлена, что ограничивает конституционное право таких лиц на судебную защиту» (ч. 10 п. 3 решения № Р-1122/2018);

- «отсутствие у таких лиц средств судебной защиты своих прав и законных интересов в приказном производстве, в отличие от взыскателя и должника, не в полной мере обеспечивает стабильность и предсказуемость гражданского оборота, приводит к ущемлению прав других лиц, препятствует их эффективной защите, может повлечь причинение данным лицам материального ущерба» (ч. 5 п. 4 решения № Р-1122/2018);

- «отсутствие у таких лиц соответствующих процессуальных средств и способов защиты своих прав и законных интересов в приказном производстве существенно ограничивает конституционное право этих лиц на судебную защиту, не согласуется с принципами гражданского судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам, не обеспечивает справедливости судебного постановления, в связи с чем не позволяет рассматривать судебную процедуру в приказном производстве в качестве эффективного средства правовой защиты» (ч. 6 п. 5 решения № Р-1122/2018);

¹⁶Имеется в виду отказ в принятии заявления о возбуждении приказного производства, если из представленных взыскателем документов усматривается наличие спора о праве с иным лицом.

• «нормативное правовое регулирование, при котором возможность инициирования судом процедуры отмены вынесенного определения о судебном приказе в приказном производстве зависит в силу принципа диспозитивности только от усмотрения должника... не обеспечивает верховенства норм Конституции, гарантирующих каждому право на

судебную защиту, не позволяет всем иным заинтересованным лицам, права и интересы которых могут быть нарушены указанным судебным постановлением, надлежащим образом защищать свои права и законные интересы, не способствует своевременности и эффективности восстановления нарушенных прав» (ч. 9 п. 5 решения № Р-1122/2018).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что иные лица, чьи права и (или) законные интересы затрагиваются определением о судебном приказе, не должны иметь возможности требовать отмены данного судебного постановления вынесшим его судом. Иные лица могут защищать свои права (законные интересы) путем использования инструментов искового производства, а в определенных случаях – и посредством

инициирования отмены определения о судебном приказе в надзорном порядке. Данные выводы следует учесть при доработке проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, поскольку он тоже допускает возможность отмены определения о судебном приказе по заявлению иного лица, права и (или) законные интересы которого затрагиваются данным определением (см. ч. 2 ст. 348)¹⁷.

Библиографические ссылки

1. Брановицкий КЛ, Скобелев ВП. Приказное производство на постсоветском пространстве: нереализованные возможности. *Закон*. 2019;1:125–137.
2. Колесникова Л. К вопросу о закреплении приказного производства в законопроекте о гражданском судопроизводстве. *Судовы веснік*. 2021;1:3–9.
3. Крымский ДИ. *Упрощение гражданского судопроизводства: российский и зарубежный опыт*. Кудрявцева ЕВ, Морщакова ТГ, редакторы. Москва: Юриспруденция; 2008. 120 с.
4. Михасева А. Приказное производство по делам о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей. *Законность и правопорядок*. 2013;4:46–51.
5. Папулова ЗА. *Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве*. Москва: Инфотропик Медиа; 2014. 184 с.
6. Решетняк ВИ, Черных ИИ. *Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе*. Москва: Городец; 1997. 86 с.
7. Скобелев ВП. К вопросу о допустимости пересмотра в апелляционном порядке определения о судебном приказе по гражданскому делу. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 16*. Минск: Колорград; 2021. с. 460–473.
8. Таранова ТС. Доказывание в приказном производстве. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса*. Гродно: ГрГУ; 2013. с. 359–364.
9. Тихиня ВГ. Приказное производство в гражданском процессе. *Право Беларуси*. 2003;23:73–76.
10. Черемин МА. *Приказное производство в российском гражданском процессе*. Москва: Городец; 2001. 172 с.
11. Скобелев ВП. *Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе*. Минск: БГУ; 2018. 447 с.

References

1. Branovitskiy KL, Skobelev VP. Writ proceedings in post-Soviet countries: lost opportunity. *Zakon*. 2019;1:125–137. Russian.
2. Kolesnikova L. [On the issue of fixing writ proceedings in the draft law on civil proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2021;1:3–9. Russian.
3. Krymskii DI. *Uproshchenie grazhdanskogo sudoproizvodstva: rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Simplification of civil proceedings: Russian and foreign experience]. Kudryavtseva EV, Morshchakova TG, editors. Moscow: Yurisprudentsiya; 2008. 120 p. Russian.
4. Mikhaseva A. [Writ proceedings in cases of recovery of expenses spent by the state on the maintenance of children]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2013;4:46–51. Russian.
5. Papulova ZA. *Uskorennyye formy rassmotreniya del v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Accelerated forms of consideration of cases in civil proceedings]. Moscow: Infotropic Media; 2014. 184 p. Russian.
6. Reshetnyak VI, Chernykh II. *Zaочноe proizvodstvo i sudebnyi prikaz v grazhdanskom protsesse* [Absentee proceedings and court orders in civil procedure]. Moscow: Gorodets; 1997. 86 p. Russian.
7. Skobelev VP. [On the question of the admissibility of reviewing the ruling on a court order in a civil case in the appellate procedure]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 16* [Law in modern Belarusian society. Issue 16]. Minsk: Kolorgrad; 2021. p. 460–473. Russian.

¹⁷ Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2022081001> (дата обращения: 30.05.2023).

8. Taranova TS. [Evidence in writ proceedings]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsesssa* [Problems of civil law and procedure]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2013. p. 359–364. Russian.
9. Tikhinya VG. [Writ proceedings in civil procedure]. *Pravo Belarusi*. 2003;23:73–76. Russian.
10. Cheremin MA. *Prikaznoe proizvodstvo v rossiiskom grazhdanskom protsesse* [Mandatory proceedings in the Russian civil procedure]. Moscow: Gorodets; 2001. 172 p. Russian.
11. Skobelev VP. *Zakonnaya sila postanovlenii suda pervoi instantsii v grazhdanskom protsesse* [The legal force of the decisions of the court of first instance in civil procedure]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 447 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.06.2023.
Received by editorial board 09.06.2023.